

население одних и тех же мест могло пользоваться синонимами, обозначающими белку.

Примеры подобного рода хорошо известны. Например, «конь» и «лошадь» (хотя, конечно, в данном случае имеют место известные смысловые нюансы), «бель», «веверица», «векша» и т. п. Характерно, что в «Повести временных лет» слова «бель» и «веверица» встречаются рядом, хотя и то и другое обозначает белку.⁴ Свидетельством огромного промыслового значения этого пушного зверька, шкурками которого платили дань во времена Киевской Руси, выступают некоторые слова профессиональной речи охотников-промышленников Сибири. В языке охотников и сибирской тайги и европейского Севера широко распространен термин «белкованье», «белковать». Он иногда встречается наряду с термином «соболеванье», «соболевать» и тогда выступает в качестве обозначения охоты собственно на белку. Чаще же всего охотник-сибиряк, отправляясь по осени в тайгу промысливать пушного зверя вообще, а по пути и сохатого, и медведя, говорил, что он уходит «белковать», «на белкованье». В таком случае термин «белковагь», «белкованье» обозначал охоту вообще и, по преимуществу, именно за пушным зверем, хотя объектом охоты были отнюдь не одни белки, но и куницы, и соболи, и горностаи, и прочий зверь, дававший ценный мех, ту самую «мягкую рухлядь», за которой устремлялись деды и прадеды сибиряков-промышленников казачьи-землепроходцы XVII в. Такого рода терминология была в ходу в Сибири и в середине XIX в., и в конце века, и в начале следующего, XX столетия.⁵ Интересно отметить, что выпущенная Тульским оружейным заводом последняя модель двухствольного ружья, типа бокбюкс-флинта (один ствол, гладкий, 28 или 32 калибра, другой, нарезной, калибра 5,6 мм), специально предназначенного для охотников-промышленников Сибири, носит название «МЦ-БЕЛКА», хотя, конечно, предназначена отнюдь не для стрельбы только по одним белкам.

Кстати, следует напомнить давно уже обратившие на себя внимание исследователей легкость и стремительность белки, которая, взлетая или спускаясь с дерева, действительно как бы течет, растекается по нему. В пользу трактовки «мышь» — «белка» можно привести также следующие соображения. «Мышь» стоит рядом с орлом и волком, т. е. все три образа взяты из животного мира. Такой логике образов соответствует и пространственная логика: орел парит в поднебесье, мышь несется (растекается) по дереву, волк скачет по земле. Что касается попытки усмотреть в «мыси» соню, то вряд ли таковую можно посчитать состоятельной.⁶ Все соня (соня-полчок, лесная соня, садовая соня) ведут ноч-

⁴ Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 18. Некоторые исследователи текста «Слова о полку Игореве» считают возможным, что в данном случае речь идет о «белой веверице», т. е. о выкуневшей белке, о зимнем, голубоватом беличьем мехе. Но цвет зимнего беличьего меха не белый, а сизый. Этот термин для обозначения определенного цвета был знаком автору «Слова».

⁵ А. А. Черкасов. Записки охотника Восточной Сибири. Иркутск, 1950; Н. И. Яблонский. По тайге, тт. I и II. М., 1904; В. К. Арсеньев. 1) В делях Уссурийского края. М., 1947; 2) Сквозь тайгу. М., 1947. Не является ли украинское (как, впрочем, и чешское *myslivec* — «охотник», польское *mysliwiec* — «охотник») «мисливство» — «охота», «охотничий промысел», «мисливець» — «охотник», «мисливський» — «охотничий» и т. п. языковым явлением, аналогичным «белкованию»? Только в языке украинского охотника память о той далекой поре, когда охота на пушного зверя была охотой в первую очередь на «мышь», т. е. на белку (уже хотя бы потому, что дань платили в первую очередь беличьим мехом), отразилась в виде одного названия древнерусской «веверицы» — «мышь», а в языке сибирского охотника в виде другого — «белка».

⁶ Н. М. Егоров. Мышью или мышью, стр. 13.